

ДАБЛОИД НА ЛУБЯНКЕ

Ноги всегда были символом эротизма

Независимая газ. — 1994. — 6 сент. — С. 7.

Елена Сулима

Exegi monumentum

ЧТО ЖЕ лежит в основе вашего искусства?

— Прежде всего поэзия. Моя живопись, скульптура, графика, объекты — это ожившие метафоры. Если, например, взять внутренние органы, которые здесь лежат, — печень, сердце, мочевой пузырь, — на самом деле это история моей книги, которая вышла во Франции, «Печень в цветах».

— А почему именно внутренние органы человека привлекают ваше внимание? Потому, что вы врач по образованию?

— Это накладывается, конечно. Путь поэта вообще всегда связан с его жизнью. И никуда от этого не деться. Именно поэтому я представил на выставке водолазов, как метафору сна, наших подсознательных процессов, и одновременно водолаз ассоциируется с ребенком. Шланг — это пуповина, которая тянется и тянется за нами по жизни. Ее не обрубали никогда, а только припускали и припускали. И мы идем и идем, а потом нас потянут обратно.

— Да. Я вижу на стене огромный штандарт, некое знамя, на котором написано: «Уральский послед, я сделан из твоей крови». А в середине коврик, из тех обычных половичков, что вяжутся из ветоши и лоскутков, от него веревка к вороху шерстяных отходов, сформированных в младенца.

— Мне как-то вдруг показалось, что этот коврик удивительный архетип последа, плаценты, — и солнца. Его связала моя мама из старой одежды. Я создал ребеночка из отходов шерсти, которая осталась от созданных мною даблOIDных свитеров, ее можно было бы выбросить на свалку. Я хотел показать, как нежна жизнь.

— Однако мне кажется, что вы страдаете этаким сентиментальностью, — я облокачиваюсь на печенку, словно на подушку, и чувствую, что уже полюбила ее, такую мягкую, бархатную, уютную... Но все же спрашиваю: не кажется ли вам, что в этом вычленении внутренних органов наблюдается некий подсознательный садизм?

— Наоборот, я как раз пытаюсь полемизировать с современным искусством и литературой, это они стараются все расчленив до предела. А я поэтизирую наши органы, пытаюсь собрать из расчлененных кусочков цельность. Мы забываем о том, что мы прекрасны, мы создания Бога. И нога, печень, палец, кишки — это все замечательные и прекрасные фрагменты, из которых мы состоим. Я даже им посвящаю стихи. Дорогая, любимая печень, вся в цветах, окрыленная поджельудкой, расцветает навстречу весеннему солнцу.

— Как в йоге — внутренним оком глядим свою печенку, разговариваем с желудком.

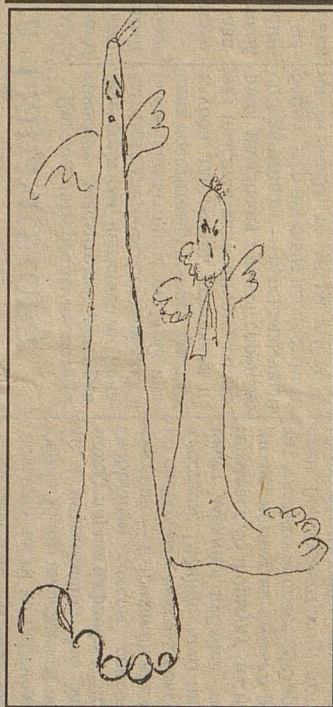
— Я считаю свое творчество лечебным.

— Но все же некое ёрничество, карикатуризм мешают причислить его к медитативной живописи, где все заглажено, лишено сюжета и объекта. И даже при мизерном таланте автор пре-

В ЦДХ выставка Леонида Тишкова среди весьма оригинальных выставок отличалась своей оригинальностью. Это была не просто выставка живописи или графики — это было заявление об уникальном мировоззрении.

ХУДОЖНИК, ТВОРЯЩИЙ МИРЫ, — вот кто такой Леонид Тишков. Серьезно и в то же время с озадачивающим порою юмором построенное пространство заселено странными существами — даблOIDами. ДаблOID — это ступня с головоподобным окончанием. ДаблOIDы разные: кружевная невеста, шелковый ангел, отбойный молоток, голубок и пьяница. Каждый даблOID живет своей жизнью, утверждается своим смыслом.

Мы садимся за один из столов, на котором лежит бархатная расшитая бисером печень, мягкая, словно плюшевый мишка, и начинаем нашу беседу.

Семья даблOIDов.

тендует на высшие начала, к тому же абсолютно отсутствует юмор.

— Мое искусство немного клоунское. На самом деле все философские системы ничего особенного не стоят, потому что, рассуждая об этом бесконечно, тратя силы, время, мы впадаем в систему мифологии, подавляющую нас как единственных и неповторимых. И все другие могут говорить то же самое, как бы перечислять расхожие истины, и все это можно назвать даблOIDом.

— Так что же такое даблOID? Это название произошло от «дабл ю»? То есть от той буквы, которой обозначается туалет?

— Туалет действительно обозначается этой буквой. Но «дубль» — это двойственный, а «даблс» — это женская грудь, в то же время обозначает мировое яйцо. Это очень древняя вещь. Я обнаружил ее на иконах XIII века. На иконе «Рождество Богородицы» Богородица сидит на такой женской груди. Но название ей дал я. Название возникло и стало жить, надо было с ним что-то делать. Появилось издание «Даблс», фонд. Таким образом оно стало обозначать как бы прайдо Вселенной, ее двойственность. А даблOID возник из даблс. Это

моя шутка. Двойственная шутка. Я не открыватель этого символа. Подобные символы существовали на картинах сюрреалистов. А совсем недавно я обнаружил в американском музее даблOID, которому уже 5 тысяч лет, — даблOID майя — та же нога с глиняной головой.

— Почему именно нога?

— Потому что скорее нога, а не рука, — символ человека. Соединение ноги с головой — та же двойственность, сочетание низкого и высокого.

— Восточные астрологи говорили, что человек должен плотно стоять на земле, а головой упираться в небо.

— Да. Сочетание реальности, практичности и фантазий, не дающих покоя. Но все эти теории и осмысления приходят потом, а сначала — импульс к творчеству, основанный на интуиции, воображении.

— В этом символе угадывается элемент некой эротики.

— Нога всегда была символом эротизма как по отношению к мужчине, так и по отношению к женщине. Иероглиф дао состоит из двух иероглифов, обозначающих голову и ногу. Мы двойственны. И поэтому даблOID для меня также символ системы наших заблуждений, представлений, беспокойств. Даже любовь можно рассматривать как даблOID. Мы хотим, чтобы любимый человек был рядом, но не имеем никаких прав на этого человека.

— А что это за странная композиция из двух совершенно одинаковых изображений даблOIDа? Только под одним подписано «искусство», а под другим — «порнография». В чем разница?

— А ни в чем. И искусство, и порнография являются знаками законченных произведений — потому и одинаковый даблOID.

— Во всем вашем творчестве проглядывает некий расчет на завоевание зрителя. Все ваши работы не для салонов, не для галерей, они не рассчитаны на покупателя. Кто поддерживает вас?

— Все шло как-то само собой. Я занимался своими идеями и проектами. И периодически они увлекали других людей. Появлялись какие-то сумасшедшие люди типа Майкла Мазатеста, который издал огромный каталог моих произведений, поставил мою пьесу, устроил выставку в одном из музеев Америки. Но хотя все художники ищут покровителей, я не ищу и, наоборот, бегу от них, предпочитаю свободу. Я не хочу стать заложником однажды разработанного мною образа даблOIDа. Мое искусство — это не ремесло. Я поэт, создающий миры. Я могу заниматься всем — живописью, графикой, батиком, скульптурой. Очень жаль, что на Лубянской площади снесли постамент от памятника Дзержинскому. Туда бы замечательно вписался даблOID. Представьте, настоящая смешная нога с головоподобным отростком из бронзы, выкрашенная масляной краской в алый цвет. И уже всё. Под этим монументом не будут собираться ни демократы, ни фашисты, а люди будут проходить мимо и улыбаться. Мрачная ситуация этой площади вполне соответствует такому решению.